

Память огненных лет

И костыли— с далекой той вой

“Разве все упомянешь...”—слова эти во время нашего разговора Михаил Николаевич Маслов произносил не раз. Конечно, не упомянешь, тем более что на его жизненном пути было столько всего и подзабылись какие-то события. Но память все же хранит многое. И даже о своем босоном детстве, которое прошло здесь же, в селе Болгары, он рассказывает очень интересно и увлекательно.

Вспоминает, как бегал с пацанами по развалинам древнего городища. Оно тогда, в начале тридцатых годов, выглядело, конечно, по-другому, а досужей ребятне до всего было дело, всюду хотелось заглянуть. Не задумывались они о том, что перед ними не просто старые строения, а памятники истории, и относились к ним отнюдь не бережно. Как-то, так и не сумев открыть забитую широкими и толстыми досками дверь, через окно проникли в Черную палату. И содрогнулись от ужаса: на настилах стояли ящики с человеческими костями. Страх прошел быстро—все раскидали, растащили. Об этом Михаил Николаевич впоследствии, уже после войны, расскажет профессору Смирнову, занимавшемуся исследованием Болгарского городища. Возможно, мальчишки разбросали то, что его коллеги обнаружили в ходе раскопок.

...Михаил закончил школу трактористов и комбайнеров в Монастырском, потом работал, служил в армии. Вернулся домой в декабре сорокового года и, как говорит сам, ничего, в

общем-то, не успел. Правда, устроился работать масленщиком на пароход “Пеликан”. Как военнотобязанный был приписан к военкомату в Самаре. Там их, четверых членов экипажа, в первые же дни войны и сняли с парохода, который долго-долго гудел, расставаясь с парнями, ухивившимися на войну...

Два месяца проходили обучение на кавалериста, после чего вместе с лошадьми, присланными из Монголии, должны были отправиться на Кавказ. Однако попали под Ленинград. Пока добирались к месту назначения, немцы прорвались вперед, и эшелон остановился совсем рядом с линией фронта. Пришлось перебежками и ползком выбираться к своим.

Его часть, входившая в состав Волховского фронта, стояла под небольшим городком Селище, а за рекой, где находились немцы, видны были деревушки, вернее, то, что от них осталось: от одной—только печная труба, от другой—какой-то столб с развалинами. А еще там стояли дощатые бараки, откуда нередко доносился плач. Наши женщины, пилили лес, который немцы вывозили в Германию. Однажды полковая разведка, в которой и служил Михаил Николаевич, выявила в расположении той немецкой части немалое количество танков, о чем было доложено. Часа полтора, наверное, по этому квадрату наши артиллеристы вели огонь, после чего не осталось там ни немцев, ни русских... Случалось на войне и такое.

Бои под Ленинградом были тяжелыми. Неоднократные попытки наших войск прорвать кольцо блокады не приносили успеха. Отправляясь в разведку после очередного боя, Михаил Николаевич со своими товарищами каждый раз становился очевидцем огромных людских потерь. “Убитых,—рассказывает он,—было столько, что ступить иной раз некуда... Сколько раз сам оказывался между жизнью и смертью, сколько раз спасала только случайность... Однажды взрывной волной меня сбросило с танка и так ударило о землю, что разговоривать не мог трое суток. Ничего, отлежался—и снова в строй. Эта контузия была не единственной! Такое там творилось...”

А в одной из вылазок живым остался только потому, что... заснул. Шли холодные дожди, и он, когда настал его черед передохнуть, залез на находившуюся рядом поленницу, еле затавив туда свою отяжелевшую от влаги шинель. Укрылся, немного согрелся, а проснувшись, никого из своих рядом не обнаружил. Двоих нашел убитыми, а трое—как в воду канули. Что тогда произошло, об этом можно только гадать.

Вспомнил и такой эпизод: в стене окопа вырыли они небольшую нишу, в которой и от дождя укрывались, и от холода спасались. Ноги, как говорится, на улице, а голова под крышей... Да только однажды едва не остались похороненными в своем укрытии. Во время очередного артобстрела

ны...
снаряд разорвался где-то близко, от чего они оказались заваленными землей. Только ноги торчали наружу, их и заметили товарищи.

...При возвращении с очередного задания немцы обнаружили разведчиков и открыли по ним огонь. Михаила Николаевича ранило сразу в обе ноги. Его вытащили на плащ-палатке, затем санитарструктор, здоровый парень, перенес через речку и передал дальше. В общем, с большими трудностями добрались до медсанбата, откуда на подводе отправили в госпиталь. Каким же долгим казался путь туда! На бревенчатом настиле каждый небольшой толчок приносил боль и страдания. Только возчик ни на что не обращал внимания, а шел да шел себе рядом с подводой...

Полгода Михаил Николаевич пробыл на лечении, после чего его комиссовали. Вернулся домой на костылях, которые, кстати, до сих пор целы. Ходил на них не так долго, но выкидывать не стал—мало ли что. Вот теперь, в старости, они опять опора для

него, да и просто с ними связано многое. Это часть его жизни, его судьбы и его войны.

А дома мать, проводившая на фронт мужа и сына, с детьми терпела нужду. Выручал большой огород, а ели одну картошку. И хоть физически еще как следует не окреп, Михаил Николаевич пошел на работу, тем более что директор промкомбината Захар Егорович Беляев лично позвал его, увидев вечером в клубе. А на вопрос, как же он ходить туда будет, резонно заметил: "Сюда же пришел..."

Рабочие руки были очень нужны, ведь на комбинате в то время и столярные изделия изготавливали, и кожевенное сырье выдывали, и даже спички выпускали, и многое другое. Поставили Михаила Николаевича заведующим производством, и следом за ним потянулись туда и другие, как он, инвалиды войны. Поработал он и председателем Болгарского сельсовета, и плотоводом ходил по Волге, и охранником делянки был в артели инвалидов, а по-

том—мастером там же.

С особым удовольствием вспоминает Михаил Николаевич о том, как работал с профессором Смирновым, человеком очень уважаемым и интересным. И Бабий бугор, и Козья Слобода, где сейчас стоит дом Масловых, и Минарет, и Черная палата—все, что имело отношение к истории, открывалось для него совершенно с новой стороны.

На пенсию Михаил Николаевич ушел из РСУ. С женой Евдокией Григорьевной вырастили троих детей, а сейчас живет с внуком. Окно его комнаты выходит в сад, а дальше, за домами и бугром, открывается вид на Волгу, на которую он всегда любил смотреть.

Время неумолимо отсчитывает годы, а она все так же несет и несет свои воды. И вот уже не внуки, а правнуки перебирают дедовы документы и награды, среди которых ордена Славы, Отечественной войны, медали. Жизнь продолжается.

Л. Кострулева.

Фото Р. Хамидуллина.